

ВИССАРИОН БЕЛИНСКИЙ

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ, АРАБСКИЕ СКАЗКИ

Виссарион Григорьевич Белинский

Тысяча и одна ночь, арабские сказки

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2828765*

Аннотация

«...эти сказки, с одной стороны, как полное выражение богатой и блестящей фантазии племени, игравшего в человечестве такую важную роль, – невольно увлекают читателя своим сплетением и переплетением частей, бесконечно сцепляющихся одна с другою и образующих этим сцеплением какое-то уродливое целое, и узорчатою пестротой своей фантастической ткани, и резкою яростию своих восточных красок. С другой же стороны, они невольно поражают этим бессмысленным, произвольным искажением действительности...»

Содержание

Виссарион Григорьевич Белинский

Тысяча и одна ночь, арабские сказки

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ, АРАБСКИЕ СКАЗКИ.
С.-Петербург, 1839. В гутенберговой типографии.
Пять частей: I—LXXXV, 209, II — 240, III — 240, IV
— 240, V — 240. (12).

«Тысяча и одна ночь» есть создание пламенной фантазии арабов, фантазии, покорившей себе, или, лучше сказать, совершенно отрешившейся, отвлекшейся от всех прочих способностей души. И поэтому эти сказки, с одной стороны, как полное выражение богатой и блестящей фантазии племени, игравшего в человечестве такую важную роль, — невольно увлекают читателя своим сплетением и переплетением частей, бесконечно сцепляющихся одна с другою и образующих этим сцеплением какое-то уродливое целое, и узорчатую пестроту своей фантастической ткани, и резко яростию своих восточных красок. С другой же стороны, они невольно поражают этим бессмысленным, произвольным искажением действительности или — лучше сказать — этою дей-

ствительностью, построенную на воздухе, лишенную всех опор возможности, вопреки здравому смыслу. Впрочем, эта произвольность фантазии имеет свою разумную необходимость, как выражение произвольности в религиозных понятиях, в общественной и частной жизни магометан.

Во всяком случае, никакие описания путешественников не дадут вам такого верного, такого живого изображения нравов и условий общественной и семейной жизни мусульманского Востока. Что же касается до занимательности, до увлекательности, – то арабские сказки в высшей степени владеют этими качествами. «Как нелепо, как глупо!» – беспрестанно восклицаете вы, читая эту книгу, а между тем готовы читать ее, не отрываясь, и с досадою думаете, что и эта книга, как и все на свете, имеет конец.

Лет сорок или тридцать тому назад был издан перевод «Арабских сказок», который теперь, вероятно, дорог и, без сомнения, редок;¹ кто-то решился вновь перевести и издать их и поручил это *надежным* переводчикам. Доброе дело! Перевод действительно сносен, но не больше. «Сын отечества» обвиняет этот перевод за галлицизмы, барбаризмы, за *это, который, чтобы*, за толстую серую бумагу и пр.²

Странное дело, неужели *это, который* и *чтобы* уже выключаются из русского языка? Потом, неужели по следую-

¹ Предыдущий перевод «Арабских сказок» был издан в 1803 г. в Москве.

² Имеется в виду отзыв Полевого о рецензируемом Белинским переводе «Арабских сказок» («Сын отечества», 1839, № 3, отд. IV, с. 90–92).

щим строкам можно заключить о недостаточности перевода: «Нет *надобности* предуведомлять читателей в превосходстве сказок, заключающихся в *этом творении*: стоит их прочесть, *чтоб* убедиться, *что* до сих пор ни на одном языке не было ничего *прекраснее* в *этом роде*»³. Что тут худого? Неужели отсутствие *сих* и *оних*?..

³ Цитируется предисловие французского востоковеда А. Галлапа к первому изданию его перевода на французский язык «Тысячи и одной ночи», предпосланное русскому переводу сказок (с. XIII; курсив Белинского).